

«Патриархальный абсолютизм» М.Н. Покровского: старая критика и новые подходы

Пенская Т.М., Пенской В.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
penskaya@bsuedu.ru, penskoy@bsuedu.ru

Аннотация В процессе трансформации средневековой государственности в раннемодерную европейским обществом было опробовано несколько политических моделей. На определенное время наиболее успешной из них оказался абсолютизм. Российский и советский историк М.Н. Покровский ввел понятие «патриархального абсолютизма» как исходной ступени эволюции классического абсолютизма. Сегодня представляется возможным вернуться к предложенной Покровским концепции и пересмотреть негативное отношение советской историографии к его «патриархальному абсолютизму». Цель исследования заключается в актуализации проблемы и возвращения и исследовательское поле концепции «патриархального абсолютизма». В работе показано, что разработанная М.Н. Покровским концепция генезиса русского самодержавия стала продолжением традиции изучения этого политico-правового феномена в русской историко-юридической науке в XIX – начале XX веков и явилаась попыткой приспособить прежние наработки в этой сфере к новой марксистской научной парадигме. Во 2-й половине 30-х гг., XX в., когда Покровский и его школа подверглись жесткой критике и разгрому, предложенная им концепция происхождения и развития самодержавия была отброшена и забыта. Сделан вывод о том, что в свете сделанных в последние десятилетия открытий и появления новых интерпретаций исторического процесса в раннее Новое врема идеи М.Н. Покровского относительно природы русского абсолютизма не выглядят безнадежно устаревшими. Предварительные изыскания в этом направлении показывают перспективность высказанных им идей и прежде всего концепта «патриархального абсолютизма» и позволяют рассчитывать на получение оригинальных научных результатов при изучении вопросов истории российского самодержавия

Ключевые слова: Новое время, государство, абсолютизм, традиция, обычное право, религия, Россия, самодержавие, патриархальный абсолютизм, М.Н. Покровский, К.В. Базилевич

Для цитирования: Пенская Т.М., Пенской В.В. 2025. «Патриархальный абсолютизм» М.Н. Покровского: старая критика и новые подходы. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 50(4): 799–815. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-799-815 EDN: IRCSQE

M.N. Pokrovsky's "Patriarchal Absolutism": Old Criticism and New Approaches

Tatyana M. Penskaya, Vitaly V. Penskoy

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russian Federation
penskaya@bsuedu.ru, penskoy@bsuedu.ru

Abstract. During the transformation of medieval statehood into early modernism, European society tested several political models. For a time, absolutism proved to be the most successful one. The Russian and Soviet historian M.N. Pokrovsky introduced the concept of "patriarchal absolutism" as the initial

stage in the evolution of classical absolutism. Today, it appears possible to return to Pokrovsky's concept and reconsider the negative attitude of Soviet historiography toward his "patriarchal absolutism". The aim of this study is to update the problem and return the concept of "patriarchal absolutism" to the research field. The paper demonstrates that Pokrovsky's concept of the genesis of Russian autocracy continued the tradition of studying this political and legal phenomenon in Russian historical and legal scholarship in the 19th and early 20th centuries and was an attempt to adapt previous work in this field to the new Marxist academic paradigm. In the second half of the 1930s, when Pokrovsky and his school were subjected to harsh criticism and defeat, his concept of the origin and development of autocracy was discarded and forgotten. It is concluded that, in light of discoveries made in recent decades and the emergence of new interpretations of the historical process in the early modern period, M.N. Pokrovsky's ideas regarding the nature of Russian absolutism do not appear hopelessly outdated. Preliminary research in this area demonstrates the promise of his ideas, especially the concept of "patriarchal absolutism," and allows us to expect to obtain original scientific results in studying the history of Russian autocracy.

Keywords: Modern, state, absolutism, tradition, common law, religion, Russia, autocracy, patriarchal absolutism, M.N. Pokrovsky, K.V. Bazilevich

For citation: Penskaya T.M., Penskoy V.V. 2025. M.N. Pokrovsky's "Patriarchal Absolutism": Old Criticism and New Approaches. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(4): 799–815 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-799-815 EDN: IRCSQE

Введение

27 января 1936 г. в «Правде», ведущей советской газете, вышла передовая статья «Преподавание истории в нашей школе», в которой были подведены предварительные итоги (оказавшиеся, по мнению автора передовицы, неудовлетворительными) работы по реорганизации преподавания гражданской истории в советских школах. И одним из препятствий на этом пути правдивская статья назвала «вредные традиции школы М.Н. Покровского»¹. Академик М.Н. Покровский, в 20-х гг. был звездой первой величины в молодой советской исторической науке. Точнее, даже не звездой, а сверхзвездой – впору говорить даже о своего рода «культе личности» первого советского историка-марксиста, практически монополизировавшего руководство развитием исторических изысканий в Советском Союзе в те годы (историк Н.И. Павленко метко окрестил его «фактическим диктатором в исторической науке» [Павленко, 1999, с. 30]). Заместитель наркома просвещения РСФСР, один из организаторов Коммунистической академии, Государственного ученого совета, Института истории и Института красной профессуры, ректором которого он являлся, председатель общества историков-марксистов, заведующий Центрархивом, редактор журналов «Красный архив», «Историк-марксист», член Главной редакции Большой Советской Энциклопедии и пр., и пр., и пр. – пожалуй, ни один из советских историков ни до, ни после Покровского не имел такого внушительного перечня занимаемых должностей и регалий. Однако это доминирование академика и его школы в отечественной историографии было недолгим. Сам мэтр скончался в 1932 г., а уже в 1934 г., с началом пересмотра практики преподавания истории в учебных заведениях СССР, его концепция оказывается под огнем критики со стороны партийного руководства – сперва непрямой, без перехода на личности. «Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП(б) констатируют, что преподавание истории в школах СССР поставлено неудовлетворительно. Учебники и само преподавание носят отвлеченный, схематический характер. Вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей –

¹ Преподавание истории в нашей школе // Правда. 27 января 1936 г. С. 1. № 26 (6632) — Яндекс Поиск по архивам.

учащимся преподносят абстрактное определение общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлечёнными социологическими схемами», – говорилось в постановлении Совнаркома и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 15 мая 1934 г., с которого началась перестройка всей системы исторического образования в Советском Союзе¹. И поскольку Покровский отвечал в свое время за выработку новой концепции исторического образования, то читавшим это постановление было совершенно ясно, на кого направлены замечания. А ведь еще февральский номер журнала «Борьба классов» за 1934 год открыла большая программная статья ученицы М.Н. Покровского А.М. Панкратовой «Борьба за победу социализма и историческая наука в СССР», в которой давалась высокая оценка деятельности академика на историческом поприще [Панкратова, 1934]. Панкратова катком прошлась по старым историкам (Платонову, Готье, Випперу, Петрушевскому и ряду др.), противопоставив их «воинствующему историку-большевику» Покровскому. Заслуга последнего, по ее словам, «заключалась прежде всего в том, что ленинизм в истории он сделал своим исходным методологическим оружием в борьбе с враждебной марксизму историографией» [Панкратова, 1934, с. 9]. Спустя же три месяца ситуация стала постепенно изменяться, и не прошло и двух лет, как критика «школы Покровского» и самого покойного академика стала открытой.

Январская 1936 года передовица в «Правде» начала кампанию против Покровского, подчеркивая, что хотя он сам и формировался как историк в борьбе с субъективизмом буржуазных историков, противопоставив развитие экономических отношений их стремлению представить главной движущей силой в истории деяния царей, попытка эта оказалась неудачной. «Сводя диалектический материализм к экономизму, или, точнее говоря, к экономическому самотеку», говорилось в статье, Покровский «мог создать только схему социальных формаций, а не живую историю борьбы классов с громадной ролью государства как рычага борьбы (здесь и далее выделено нами. – В.П., Т.П.)»².

Однако это была только затравка, но стоило перевернуть газетную страницу, и на 2-й полосе этого выпуска «Правды» под многозначительным названием «На фронте исторической науки» в статье «В Совнаркоме Союза ССР и ЦК ВКП (б)» оценки деятельности покойного академика носили попросту разгромный характер. Отмечая, что «среди некоторой части наших историков, особенно историков СССР, укоренились антимарксистские, анти-ленинские, по сути дела, ликвидаторские, антисcientific взгляды на историческую науку», авторы статьи связывали эту укорененность «в первую очередь с распространением среди некоторых наших историков ошибочных исторических взглядов, свойственных так называемой «исторической школе Покровского». Преодоление кризиса в исторической науке и в преподавании истории в учебных заведениях СССР связывалось авторами материала с преодолением «этих вредных взглядов»³.

Жесткая характеристика последствий господства Покровского в советской исторической науке была усиlena в вышедшем в ноябре 1938 г. постановлении ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)»: «В исторической науке до последнего времени антимарксистские извращения и вульгаризаторство были связаны с так называемой "школой" Покровского, которая толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех

¹ Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б). О преподавании гражданской истории в школах СССР. 15 мая 1934 г. URL: // <https://docs.historyrussia.org/tu/nodes/353204-postanovlenie-soveta-narodnyh-komissarov-soyuza-ssr-i-tsentrальнogo-komiteta-vkp-b-o-prepodavaniii-grazhdanskoy-istorii-v-shkolah-sssr-15-maya-1934-g> (дата обращения 22.09.2025)

² Преподавание истории в нашей школе // Правда. 27 января 1936 г. № 26 (6632). С. 1.

³ На фронте исторической науки. В Совнаркоме Союза ССР и ЦК ВКП(б) // Правда. 27 января 1936 г. № 26 (6632). С. 2.

условий, в обстановке которых протекали исторические события, и тем самым искажала действительную историю»¹. Покровский, таким образом, был окончательно разжалован из стройных историков-марксистов и приверженцев исторического материализма.

Эти чрезвычайно негативные оценки в реалиях того времени означали по существу приговор наследию М.Н. Покровского (и ему самому, если бы «диктатор исторической науки» дожил бы до этого времени) и требовали соответствующей реакции от советского исторического сообщества. И эта реакция не замедлила последовать, причем если ряд историков, выступивших с резкой критикой исторических взглядов покойного академика и заместителя наркома просвещения, сделал это, следя изменившейся линии партии (как, например, та же А.М. Панкратова), то для других эта кампания носила определенно субъективный характер. В свое время М.Н. Покровский принял активное участие в организации политической чистки в Академии наук и так называемого «Академического дела» 1929–1931 гг. («дело Платонова-Тарле»), нанесшего сильнейший удар по старым историческим кадрам и окончательно утвердившего господствующее положение Покровского в молодой советской исторической науке. Эта его борьба против старых историков, похоже, имела еще и глубоко личные мотивы. П.Н. Милюков оставил интересные воспоминания о своих первых встречах с Покровским на семинарах П.Г. Виноградова, которые проливают свет на взаимоотношения Покровского и прежнего исторического сообщества: «Покровский, один из самых младших участников [семинара], обычно угрюмо молчал и всегда имел какой-то вид заранее обиженного и не оцененного по заслугам. Я думаю, здесь было заложено начало той мстительной вражды к товарищам-историкам, которую он потом проявил, очутившись у власти» [Милюков, 1993, с. 116]. Теперь же «товарищи-историки» получили возможность взять реванш, и они воспользовались ею в полной мере (во всяком случае, некоторые из них).

Апогеем критики концепции Покровского стал двухтомный сборник статей ведущих советских историков, который вышел в 1939 и 1940 гг. «Перед советскими историками стоит важнейшая задача преодоления вредных взглядов Покровского и ликвидации последствий вредительства на историческом фронте», – так была обозначена цель, стоящая перед советской исторической наукой во введении к первой части сборника [Против исторической..., 1939, с. 4]. Соответственно, части его носили характерные, в духе эпохи, названия: «Против исторической концепции М.Н. Покровского» и «Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского» [1939; 1940].

Цель исследования заключается в актуализации проблемы и возвращения и исследовательское поле концепции «патриархального абсолютизма».

Материалы и методы исследования

В качестве источниковой базы были использованы классические исторические и историко-правовые труды, которые прямо или косвенно затрагивали проблемы генезиса и развития самодержавия/абсолютизма в России Нового времени, а также более современные работы, отражающие нынешнее состояние исторической и историко-правовой науки по этому вопросу. К анализу были привлечены основные работы М.Н. Покровского, касающиеся проблемы истории русского самодержавия, а также статья К.В. Базилевича с критикой концепции Покровского.

Был использован сравнительно-исторический метод и междисциплинарный подход. В процессе разработки темы мы опирались на такие фундаментальные принципы научного исследования, как принципы историзма и системности.

¹ О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)». Постановление ЦК ВКП (б) // Вестник древней истории. 1938. № 3(4), с. 3–16. С. 4.

Происхождение и эволюция самодержавия в трудах русских историков и правоведов XIX – нач. XX вв.

Спектр «вредных взглядов» М.Н. Покровского, представленный в сборнике, был весьма обширен и охватывал как сугубо исторические вопросы, так и вопросы методологии и преподавания истории в учебных заведениях. Мы же остановимся на одном из них – связанном с происхождением и природой русского абсолютизма и в особенности с его начальной фазой, которую сам Покровский именовал не иначе как «патриархальный абсолютизм».

Данная проблема представляет особый интерес и для политической истории, и для истории государства и права, именно поэтому попыткам раскрыть сущность этого историко-правового феномена посвящено немало исследований историков и правоведов. На этом поприще отметились едва ли не все исследователи, которые касались проблем развития государства и права в России Нового времени. Говоря о дореволюционной российской традиции исследования самодержавия/абсолютизма, отметим, что она довольно четко делится на два течения, развивавшихся параллельно друг другу. Первое – это историко-правовые и правовые исследования, вторая – чисто исторические. Вкратце охарактеризуем их с тем, чтобы был более понятен тот фон, на котором сформировалась концепция генезиса и последующей эволюции русского самодержавия М.Н. Покровского.

В историко-правовых исследованиях тон задал М.М. Сперанский [2002, с. 61]. Его видение русского самодержавия поддержали и продолжили русские правоведы «государственной» школы [Коркунов, 1906; Градовский, 1907 и др.], которые рассматривали самодержавие прежде всего с формальной точки зрения, как в первую очередь правовой, а уже затем исторический феномен. При этом они подчеркивали три основных качества российского политического режима – самодержавность, неограниченность и законность, имевшие глубокую укорененность в русской истории [Романович-Славатинский, 1886]. Обращает на себя внимание и тот факт, что к началу XX века в российской историко-правовой науке сложилась точка зрения, согласно которой «самодержавие» и «абсолютизм» не были тождественны – «органическое», «природное» самодержавие противопоставлялось забюрократизированному абсолютизму, в рамках которого царь и народ оказывались разделены и противопоставлены друг другу растущей бюрократией [Казанский, 1913].

Русские историки «государственной» школы исследовали самодержавие, подходя к нему как к историческому явлению. Едва ли не первым попытался обозначить значение и место самодержавия в истории России Н.М. Карамзин. Для него было очевидным фактом, что «Россия основалась победами и единовластием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием», а также и то, что «самодержавие есть палладиум России; целость его необходима для ее счастья» [Карамзин, 1991, с. 22, 105]. Для С.М. Соловьева, оказавшего огромное влияние на последующее развитие отечественной исторической науки, самодержавие выступало своего рода маркером, знаменовавшим окончательную победу государственного, автократического начала над началом коллективным, олигархическим, родовым [Соловьев, 1988, с. 52–53]. Для его ученика и последователя В.О. Ключевского эволюция политического режима в России от Средневековья к Новому времени выглядела как последовательная смена четырех форм власти. Князя-предводителя наемной военной дружины с неопределенным территориальным и политическим статусом в конечном итоге сменил «государь – царь и великий князь», в лице которого нашли свое полное и законченное выражение власть единоличная, территориальная и политическая [Ключевский, 1989а, с. 304, 305, 306]. При этом Ключевский, как и Сперанский, четко разделял самодержавие «внешнее» (как главный признак государственного суверенитета) и «внутренне» (как неразделенность власти государя с кем бы то ни было еще), подчеркивая, что и в XVI веке условий для формирования «внутреннего» самодержавия еще не сложилось [Ключевский, 1989в, с. 103].

Характерной чертой для «государственной» школы, равно как ее юридической составляющей, так и исторической, было признание определяющей роли внешнеполитического (в первую очередь военного) фактора в развитии самодержавия. Кроме того, самодержавие рассматривалось большинством представителей этого течения историко-правовой мысли «внешним» по отношению к «земле», откуда проистекала его «руководящая» и «направляющая» роль в истории государства и общества в России. Эта его характеристика была в краткой, лаконичной и образной форме выражена еще А.С. Пушкиным в переписке с П.Я. Чадаевым: *Le gouvernement est encore le seul Européen de la Russie*.

Однако «государственная» школа недолго доминировала в российском историко-правовом пространстве 2-й пол. XIX – нач. XX в. В конце XIX – нач. XX в. все большую популярность стал завоевывать марксизм, сперва в его «легальной» форме среди экономистов и социологов, а затем и среди историков. Один из первых историков-марксистов, Н.А. Рожков, ученик В.О. Ключевского, в 1906 году опубликовал небольшое исследование «Происхождение самодержавия в России» [Рожков, 1906]. В нем он подверг критике положение «государственной» школы о доминирующем влиянии «внешнего» фактора на становление русского самодержавия, заявив, что «в процессе происхождения самодержавной власти русских государей первенство принадлежит внутренним, главным образом, хозяйственным условиям» [Рожков, 1906, с. 212]. Эпоху Ивана Грозного и его преемников, Федора Иоанновича и Бориса Годунова, он рассматривал как переломный этап в формировании самодержавия – в эти десятилетия «наметились в главных чертах, хотя и не приняли законченного вида, экономические и социальные новообразования – денежное хозяйство с обширным рынком и крепостничество», необходимые для торжества самодержавия [Рожков, 1906, с. 189].

М.Н. Покровский и его концепция русского самодержавия. «Патриархальный абсолютизм» как его начальная стадия

М.Н. Покровский, также ученик Ключевского, не мог пройти мимо проблемы происхождения и развития самодержавия в России. Этой теме он уделил немало внимания и до революции, и после нее. Важнейшими в методологическом плане работами в этом направлении стали «Очерк истории русской культуры», в особенности 2-я часть [Покровский, 1918, с. 100–180], а после революции – две полемических статьи: «Правда ли, что в России абсолютизм «существовал наперекор общественному развитию? (По поводу вступительной главы последней книги тов. Троцкого: "1905")» и «О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России» [Покровский, 1922; Покровский, 1933].

Что представляла из себя концепция абсолютизма в России Покровского? Остановимся на ней подробнее, так как, во-первых, она практически забыта и мало кто из современных исследователей пытается ее изучать; во-вторых, без изложения ее основных положений остаются неясными причины, по которым Покровский посмертно был подвергнут уничтожающей критике, и, в-третьих, концепция абсолютизма Покровского представляет сегодня, на наш взгляд, не только историографический интерес. Она любопытна параллелями, которые можно отыскать между его построениями и теми идеями, бытующими в сегодняшнем историческом сообществе – российском и в особенностях зарубежном, западном.

Генезис самодержавия (и абсолютизма как одной из «продвинутых» его форм) М.Н. Покровский представлял следующим образом. Начальной стадией его развития, по мнению историка, был так называемый патриархальный абсолютизм. Рассматривая абсолютизм как одну из форм политической идеологии, Покровский исходил из того, что «древнейшие политические идеи суть не что иное, как приложение религиозных понятий и представлений к отношениям власти и подвластности». «В этом, – продолжал

Покровский, – "тайна власти", смутно отразившейся в учении о ее, власти, "божественном происхождении"» [Покровский, 1918, с. 100]. Отсюда, заключал он, проистекало то обстоятельство, что «первым и наиболее логическим последствием божественности власти в лице всех ее воплощений был абсолютный характер этой власти», ибо, во-первых, «власть бога может ограничить только высший бог, если таковой имеется»; во-вторых, «с богом нельзя спорить; по отношению к богу у человека нет и не может быть никаких прав»; в-третьих же, «абсолютизм божественной власти должен был обнимать собою все сферы – не только всю область материального, но и всю область духовного» [Покровский, 1918, с. 110, 113].

Исходя из этого можно было бы заключить, с точки зрения формальной логики, отмечал Покровский, что «патриархальный абсолютизм» должен был дать «необыкновенно сильную государственную власть» [Покровский, 1918, с. 122]. Однако этого не случилось. Причины историк видел в следующем. С одной стороны, идеальной формой патриархального абсолютизма, по мнению Покровского, являлась теократия. Но московский государь, при всей сакральности его власти, не в полной мере соответствовал отмеченному выше третьему требованию. Он не мог полностью взять под свой контроль духовную власть, ибо как мирянин не мог совершать таинства, «священник честнее царя потому, что он может совершать таинства, царь же нет». Больше того, продолжал Покровский, «тайство, сообщавшее мистическую силу самому царю, совершалось тем же священником или епископом» [Покровский, 1918, с. 116].

Это разделение сакрального и мирского налагало определенные границы на власть московских государей. Однако это не все, поскольку, с другой стороны, существенные ограничения на власть монарха накладывали, по мнению Покровского, «феодальные вольности». В основе этих вольностей, имевших, как «патриархальный абсолютизм», традиционное, связанное с религиозной идеологией, мировоззрение, лежало, как считал историк, понятие иммунитета. «Имение, пользующееся иммунитетом, есть табу для королевской, царской, великокняжеской – чьей угодно администрации» [Покровский, 1918, с. 122].

Примечательно то, как рассматривает Покровский обычай местничества, укоренившийся в Русском государстве московского периода. Для него местничество представляло собой частный случай иммунитета (причем окончательное оформление местничества относится к эпохе Ивана Грозного). Но самым важным для Покровского в существовании этого обычая было то, что одним фактом своего бытования местничество «наносит жестокий удар той теории, которая, основываясь на характеристике Герберштейна, хотела бы видеть в московском царстве образец абсолютной монархии – хотела бы усвоить московскому царю такую же власть над порядком, какую он имел над лицами» [Покровский, 1918, с. 125, 126; Ключевский, 1994, с. 250]. Оказывается, подчеркивал Покровский, что понятие отечества, которое лежало в основе местничества, было **«первой политической гарантией, какую мы встречаем на русской почве...»**, поскольку, жалуя за службу своим государевым жалованием, великий князь не мог пожаловать «отечеством» – оно приобреталось по праву рождения и никак иначе. Так что, продолжал Покровский, падение местничества в конце XVII века явилось «одним из самых ярких знамений того, что старое московское царство рушилось» [Покровский, 1918, с. 126].

Но не только по причине наличия такого института, как местничество, власть московских государей, хотя и могла быть отнесена к разряду «патриархального абсолютизма», однако на деле не являлась подлинно абсолютной и самодержавной. Если местничество было политической гарантией общественной группы, то были гарантии, касавшиеся отдельных местностей – «волостной иммунитет», близкий по свойствам к иммунитетам церковным [Покровский, 1918, с. 132]. И все вместе эти иммунитеты, представлявшие неупорядоченную «мусорную кучу», именуемую «обычным правом»

[Покровский, 1918, с. 142], по мнению Покровского, накладывали существенные ограничения на патриархальную абсолютистскую власть московских государей. Традиционализм, патриархальность, религиозность – все это препятствовало, полагал Покровский, развитию в Московской России политической теории и практики. Для того, чтобы государство из установления «божественного» превратилось в «дело рук человеческих», писал он, необходима была известная «секуляризация политической мысли» [Покровский, 1918, с. 143]. Эту секуляризацию политической и правовой мысли в России (характеристике которой он отводил немалое место в 3-й части IV раздела «Очерка...») Покровский связывал с развитием излюбленного им «торгового капитализма», который выступал в его представлениях о русском историческом процессе в эпоху Нового времени едва ли не главным двигателем политического прогресса. Начало же этого процесса он относил ко временам Ивана Грозного, проводившего активную экспансионистскую политику («связь бюрократической монархии, централизованного деспотизма, с империализмом, с завоевательной, «активной», внешней политикой – не случайность» [Покровский, 1918, с. 161]).

«Этот хитрый московский кулак, – писал Покровский об Иване Грозном, – достойный потомок Ивана Калиты, схватился за первый попавшийся предлог, чтобы напасть на разваливавшийся ливонский орден – и захватить себе порт, а то и порты, на Балтийском море, то это нас уже может удивить всего менее». «Царь торговой страны – а такой было московское государство XVI века – не мог поступать иначе», – заключал он. И дальше, подводя обоснование под свою идею о тесной связи между рождением «торгового капитализма» и переменами в политическом режиме, Покровский отмечал, что «для того, чтобы биться за торговые пути, нужно было и стрелецкое войско, и позже солдатские и рейтарские полки». Но эта необходимость была обусловлена, вопреки мнению Троцкого (опиравшегося, как все время подчеркивал Покровский, на результаты изысканий российской буржуазной историографии и с которым он полемизировал), не отсталостью России и ее замедленным экономическим развитием. Нет, главная причина этого заключалась в том, что Россия «была новая страна, захваченная развитием торгового капитализма, и что ей приходилось отбивать себе место на солнышке у более старых, прочно укоренившихся, конкурентов. Для этого русскому торговому капиталу пришлось сковать страну железной дисциплиной и выработать настоящую диктатуру. Воплощением этой диктатуры торгового капитала и было московское самодержавие» [Покровский, 1922, с. 151].

При этом Покровский рассматривал процесс становления русского абсолютизма как дискретный, лишенный непрерывности и последовательности (задолго до того, как М. Фуко предложил рассматривать исторический процесс именно таким образом). Для него правление Ивана III и Василия III представляло собой классический образец «патриархального абсолютизма», тогда как Иван Грозный предпринял попытку порвать с традицией, попробовал совершить скачок и перейти в ускоренном темпе в новое состояние: «Его [Ивана Грозного] "опричнина" была попыткой за полтораста лет до Петра основать личное самодержавие петровской монархии» [Покровский, 1966, с. 304]. Но попытка эта, считал Покровский, была преждевременна, почему и была обречена на неудачу по объективным, как он полагал, причинам [Покровский, 1966, с. 305]. Самодержавие Грозного не пережило самого его создателя, и после его смерти, полагал Покровский, в политической сфере наступило время «феодальной реакции», «частичное и временное, возрождение политического феодализма» (то есть, в терминах Покровского, пресловутого «патриархального абсолютизма») [Покровский, 1966, с. 331].

Итак, замена «патриархального абсолютизма» и «феодальных вольностей», основанных на обычаях и традиции, на секулярную модерную «бюрократическую монархию» была обусловлена потребностями молодого растущего «торгового капитализма», нуждавшегося в соответствующей политической надстройке для того,

чтобы реализовать свои экспансионистские цели. «Бюрократическую монархию невозможно себе представить безе торгового капитализма, как ее основы» [Покровский, 1918, с. 157]. Правда, перед смертью, в самом начале 30-х гг., Покровский несколько скорректировал свою концепцию под огнем критики и отказался от использования термина «торговый капитализм», охарактеризовав его «безграмотным» (естественно, с точки зрения истинного, то есть ленинского, понимания русской истории). Эта «безграмотность» проявлялась в том, что, как признавал сам Покровский, «ничего не производящий торговый капитал не может определять собою характера политической надстройки данного общества: вот отчего совершенно неправильной является формулировка самодержавия как "торгового капитала в мономаховой шапке"» [Покровский, 1933, с. 287].

Однако от самой идеи разделения развития абсолютизма в России на несколько этапов Покровский отказываться не собирался, равно как и от признания особой роли торгового капитала в становлении и развитии русского самодержавия. «Из всех форм капитала к самодержавию ближе всего был торговый капитал, опираясь на который самодержавие росло, опираясь на который феодальное государство чисто средневекового типа переросло в бюрократическую монархию» [Покровский, 1933, с. 303]. И далее он продолжал утверждать, что «власть вавилонских царей, и власть римских цезарей, и власть Наполеона I – это все абсолютизм, но социальная база этих абсолютизмов весьма различна. Здесь имеется в виду та разновидность абсолютизма ("бюрократическая монархия" на языке Покровского. – В.П., Т.П.), которая характерна для эпохи разложения феодального хозяйства и в свою очередь характеризуется тремя основными признаками: наличностью бюрократии, постоянной армией и системой денежных налогов...» [Покровский, 1933, с. 296]. И дальше историк подчеркивал, что бюрократия как отличительная черта «бюрократической монархии» «и есть то, что вносит новые черты в феодальную физиономию самодержавия, и это потому, что бюрократия как со своей социальной базой связана не с феодальным натуральным землевладением, а с товарным хозяйством и нарождающейся буржуазией» [Покровский, 1933, с. 298].

Критика К.В. Базилевичем теоретических воззрений М.Н. Покровского на российское самодержавие

Столь подробное освещение концепции М.Н. Покровского было необходимо для того, чтобы стала понятной та жесткая и нeliцеприятная критика, с которой выступил относительного его теории происхождения русского абсолютизма в 1-й части академического двухтомника 1939–1940 гг. К.В. Базилевич, подготовивший для сборника большую статью под названием «Торговый капитализм» и генезис московского самодержавия в работах М. Н. Покровского» [Базилевич, 1939]. Цель, которую поставил перед собой К.В. Базилевич, приступая к критике исторических воззрений Покровского, заключалась прежде всего в том, чтобы доказать немарксистский характер его методологии. И, приступая к делу, он не преминул отметить, что «историческая схема Покровского сложилась в 1910–1912 гг.», когда он работал над своей главной работой – «Русской историей с древнейших времен». При этом Базилевич подчеркивал, что хотя теория Покровского относительно той решающей роли, которую сыграл в формировании Российского государства пресловутый «торговый капитал», сформировалась в борьбе с «буржуазной концепцией русского исторического процесса», тем не менее она «обнаруживает в отдельных своих частях значительное, неустранимое Покровским, влияние буржуазной исторической мысли, в частности работ В. Ключевского» [Базилевич, 1939, с. 140] (действительно, влияние работ Ключевского, в особенности его курса лекций по русской истории, без особого труда находится при анализе текстов Покровского). Главная проблема буржуазных историков и, следовательно, Покровского, полагал Базилевич, заключалась в том, что они, образно говоря, за деревьями не видели леса,

«искали не общих закономерно действующих причин, а частных условий» [Базилевич, 1939, с. 142].

Выход из сложившейся ситуации, по мнению Базилевича, был один – обращение к классикам марксизма, к «указаниям Маркса и Энгельса по вопросу образования в эпоху позднего средневековья национальных государств» [Базилевич, 1939, с. 143]. Эти «указания», полагал Базилевич, давали тот самый комплексный, целостный подход к изучению проблем становления новой государственности на переходе от Средневековья к Новому времени, которого не хватало буржуазным историкам (подразумевается Покровский). «Только всестороннее исследование конкретного исторического процесса позволяет, с одной стороны, **правильно объяснить его общую и частную обусловленность**, а с другой стороны, – **избежать абстрактности и схематизации**», тогда как «Покровский в своих работах об образовании Московского государства дает не конкретную историю этого процесса, а **схему, расходящуюся с основными требованиями марксистской исторической науки...**» [Базилевич, 1939, с. 143].

Теория М.Н. Покровского о происхождении и эволюции русского абсолютизма как составного элемента его концепции происхождения Российского государства попала под огонь критики К.В. Базилевича одной из первых. В его переложении она выглядела следующим образом: «Согласно концепции Покровского, в XV–XVI вв. еще не существовало основного условия для образования объединенного русского государства, не было «торгового капитализма», который, по его мнению, только один мог покончить с феодальной раздробленностью и создать самодержавную царскую власть (бюрократический абсолютизм). Создание этого строя он отодвигает на XVII–XVIII вв., на тот период времени, когда завершается развитие «торгового капитализма». При Иване IV старая феодальная организация подверглась разрушению, но на ее руинах выросло не абсолютистское государство, а промежуточная политическая форма в виде системы «патриархального абсолютизма» [Базилевич, 1939, с. 147].

Критикуя построения Покровского, Базилевич исходил из того, что сам по себе процесс становления русского самодержавия был не только непрерывным, линейным, «вперед и вверх», но и закономерным итогом всего исторического развития русской государственности. Он писал: «Покровский не замечает того очевидного факта, что создание большого государства на территории, где еще недавно существовали десятки мелких государств, было бы невозможным без усиления центральной политической власти, которой в это время могла быть только самодержавная власть» [Базилевич, 1939, с. 155]. Как результат, считал Базилевич, «политический режим в Московском государстве этого времени не только был новым, но и принципиально иным, чем в русских «великих» и «удельных» княжествах предшествующего периода времени», а само **«московское самодержавие было неизбежным фактом политической истории этого времени...»** [Базилевич, 1939, с. 154, 157]. Любопытно отметить, что выступая против Покровского за его чрезмерную социологизацию и схематизацию истории, Базилевич сам волей-неволей подводит читателя к мысли о том, что неважно, кто стоял во главе государства, Иван Грозный или иной персонаж. Все равно победа самодержавия «была исторически подготовлена всем предыдущим развитием Московского государства» [Базилевич, 1939, с. 153].

В предложенной Базилевичем схеме, взамен концепции Покровского, «патриархальному абсолютизму» просто-напросто не было места – он никак не укладывался в стройный и последовательный процесс усиления власти московских государей, который достиг своего апогея с введением Иваном Грозным пресловутой опричнины. Для Базилевича она была завершающим этапом в укреплении самодержавия: «Долголетняя борьба между самодержавием, выражавшим классовые интересы дворянства, и боярством, пытавшимся задержать развитие централизованного государства, закончилась опричниной, которая на всей территории страны насаждала

однообразный порядок и еще более укрепляла самодержавную власть» [Базилевич, 1939, с. 155]. Отсюда Базилевич заключил, что «вывод Покровского о характере царской власти XVI в. и об ограничении ее феодальными учреждениями следует признать ошибочным в методологическом отношении и противоречащим конкретным историческим фактам». Сам академик, продолжал он, чувствовал уязвимость своих построений, почему и ввел в оборот тот самый «патриархальный абсолютизм», который, по мнению критика, явился «одной из самых отвлеченных категорий, не связанной с определенной ступенью общественно-экономического развития» [Базилевич, 1939, с. 155, 157].

Эта отвлеченность концепции «патриархального абсолютизма» являлась, по мнению Базилевича, ярким примером присущего Покровскому стремления схематизировать историю, оторвать ее от первоосновы, от классовой борьбы в ее подлинно марксистском понимании. Для Покровского, писал Базилевич, решающее воздействие на формы политического устройства оказывал не господствующий класс, а торговый капитал как форма развития обмена. «Поэтому Покровский рассматривал историю политического устройства Московского государства отдельно от его социальной истории, оторвал историю самодержавия от истории московского дворянства» [Базилевич, 1939, с. 159]. И, конечно же, не стоит забывать еще и о том, что сам по себе «патриархальный абсолютизм» представлял собой яркий пример того, как «частное условие» возводилось в абсолют и препятствовало поиску и выделению общих закономерностей.

Общий вывод Базилевича звучал крайне негативно: «Вся его [Покровского] теория "патриархального абсолютизма", неверная в методологическом отношении, противоречит и конкретному историческому материалу» [Базилевич, 1939, с. 159]. Эта ли его резкая оценка или же общий настрой советской исторической и историко-правовой науки в последующие десятилетия сыграли роль в том, что даже после определенной реабилитации Покровского как историка в 60-х гг. минувшего столетия [Грузинская, 2020], сопровождавшейся переизданием ряда его работ, его видение эволюции русского абсолютизма и концепт «патриархального абсолютизма» остались невостребованными, – остается вопросом без ответа. Примечательно, что в четырехтомник избранных работ Покровского, опубликованных в издательстве «Мысль» в 1966–1967 гг., «Очерк истории русской культуры», содержащий развернутое изложение сущности идеи «патриархального абсолютизма», не вошел. Но так ли уж безнадежно устарел (и представляет собой сугубо историографический интерес как пример очевидного заблуждения) этот тезис в свете последних тенденций изучения особенностей становления раннемодерного государства?

Формирование современных представлений об особенностях взаимодействия государства, церкви и общества в раннее Новое время

Сама по себе идея тесной увязки становления абсолютизма и религии отнюдь не нова. Еще в 1847 году немецкий экономист В. Рошер выделил в генезисе европейского абсолютизма в качестве его первой стадии «конфессиональный абсолютизм», время существования которого он отнес к сер. XVI – сер. XVII в., между Аугсбургским религиозным миром и окончанием Тридцатилетней войны [Roscher, 1847, с. 451]. Выдвинутая им идея оказалась востребована и позднее. Так, в 1949 году немецкий историк К. Эдер писал, что в раннее Новое время религия, конфессиональный интерес определяли направления внешней и внутренней политики и активно использовались властью для укрепления своих позиций в обществе [Eder, 1949]. Несколько позднее эта идея постепенно трансформировалась в концепцию «конфессионализации» [Zeeden, 1956; Zeeden, 1958]. Суть ее американский исследователь Н. Коллманн определяла как движение в рамках протестантской и католической конфессий, которое имело своей целью дисциплинирование членов общин через четкое формулирование основ

вероучения и введение жестких требований к их поведению, дополнявшие усилия власти и церкви по консолидации общества вокруг государства и официальной церкви [Kollmann, 2012, р. 1; Schmidt, 1992]. От себя мы добавим, что это движение было характерно и для раннемодерной России и, говоря о взаимосвязи конфессионализации и власти, подчеркнем – этот процесс активно стимулировался и поддерживался государством, которое видело в этом надежный инструмент управления обществом и контроля за ним.

Свой вклад в изучение особенностей взаимоотношений власти и религии в раннее Новое время внесли, пусть и опосредованно, в плане формировании новых методологий, социологи и культурологи. М. Вебер в 10-х гг. XX в., исследуя проблемы, связанные с проблемой господства (*Herrschaft*), среди прочих его видов выдели «традиционное господство» (или «патриархальное господство»). Оно основывалось, по мнению Вебера, «на традиционном основании, т. е. на повседневной вере в святость действующей традиции и в легитимность основанного на этой традиции авторитета» [Вебер, 2016, с. 255]. Касаясь же значения традиции в жизни архаичных обществ, французский культуролог К. Леви Стросс предложил разделить общества на «холодные» и «горячие», и первые, по его мнению, стремятся к сохранению традиционного образа жизни и мысли [Леви Стросс, 2008, с. 438, 439]. К этому стоит добавить предложенную американским культурологом и социологом Э. Тоффлером периодизацию развития человеческого общества на три «волны», и первая из них – это общества аграрные, «деревенские», цивилизации сельскохозяйственные [Тоффлер, 2004, с. 38, 52]. В такого рода обществах именно деревня выступает главным «производителем» и материальных, и духовных ценностей. «Основной ячейкой архаического аграрного общества является малая локальная социальная общность (крестьянский локус) – источник традиционности и ее основной адепт», – писал российский исследователь С.Д. Домников. При этом он подчеркивал, что «как бы ни был культурно и экономически развит в государстве тот или иной социальный слой, пока в обществе сохраняется условия для воспроизведения аграрного локуса – основной ячейки социальной традиционности, общество как целое продолжает существовать в соответствии с законами воспроизведения традиционных общественных структур». Это объясняется тем, что, по его мнению, **«сплетение традиций образует замкнутую систему передачи социально значимого опыта, обеспечивающего полноценную жизнедеятельность целостного социального организма...»** [Домников, 2002, с. 20, 21, 22].

Каким было московское общество раннего Нового времени? Оно, вне всякого сомнения, было глубоко аграрным со всеми вытекающими отсюда последствиями для политической сферы. Упоминавшийся нами выше Н.А. Рожков писал по этому поводу, что «государственный строй – не что иное, как особая сторона того единого целого, две других части которого составляют хозяйство и устройство общества» [Рожков, 1906, с. 2]. И если основной ячейкой общества выступает крестьянский локус с его патриархальностью, традиционализмом и консерватизмом, то стоит ли ожидать иных отношений и настроений в его политической надстройке?

Господство традиционализма в политической сфере Русского государства того времени имело под собой и еще одно важное основание. Характеризуя поворот, который произошел в политико-правовых штудиях в западноевропейской новистике в последней трети минувшего столетия, Н. Коллманн отмечала, что точка приложения усилий исследователей сместились в сторону тщательного анализа стратегий управления, централизации и формирования суверенитета. «Одно из направлений исследований изучает "жилы власти" – процессы создания государственной инфраструктуры для обеспечения военных реформ и территориальной экспансии», – отмечала она далее [Kollmann, 2012, р. 1-2]. Эта новая властная инфраструктура представляла собой более совершенные и действенные бюрократический аппарат, фискальную систему, коронное право и суд, а также инструменты реализации господства – ту же постоянную регулярную

армию, находящуюся целиком и полностью на содержании монарха и под управлением его доверенных лиц.

Однако процесс наращивания этой «мускулатуры» был весьма дорогостоящ и требовал немалого времени на отладку и притирку его отдельных составных элементов, почему Н. Коллманн и отмечала, что не стоит преувеличивать силу раннемодерных централизующихся государств, в особенности на местном, региональном, уровне [Kollmann, 2012, p. 1]. Любопытное замечание на этот счет сделал отечественный исследователь К.В. Петров. Характеризуя Русское государство эпохи последних Рюриковичей, он писал, что «возможности российского государства (как институционального образования) в XVI–XVII вв. в различных сферах общественных отношений были неодинаковы и целиком зависели от конкретной политической ситуации: была фактическая возможность – было принуждение, не было возможности – отношения строились на другой основе». Отсюда, делал он вывод, «слабой была не власть Ивана III или Василия III над своими боярами, **относительно слабым было государство в возможности осуществлять меры принуждения в отношении населения...**» [Петров, 2008, с. 376]. Любопытно, но об этом писал еще в конце XIX века В.О. Ключевский, отмечавший, что «московский государь имел обширную власть над лицами, но не над порядком» [Ключевский, 1994, с. 250].

Пока же эта новая опора власти в лице «жил власти» не была создана и не обрела достаточную эффективность, верховная власть вынуждена была ориентироваться на традиционные способы управления с оглядкой на позицию если не всей «земли», то, как минимум, «политического народа». Поддержка снизу давала власти недостающую ей легитимность, но она же и ограничивала ее. «Легитимность основывалась не только на упорядоченном применении насилия, но и на том, что государство в большей или меньшей степени отвечало представлениям, согласно которым правитель должен прислушиваться к своим подданным, хранить традицию и обеспечивать безопасность в обществе» [Kollmann, 2012, p. 416].

Заключение

Итак, современные представления о раннемодерном обществе и государстве существенно, если не радикально, отличаются от тех, которые бытовали еще каких-то сто (или несколько менее) лет назад. Комплексный подход к их изучению позволил сделать выводы, которые ставят под вопрос действенность той схемы развития политической сферы европейского раннемодерного общества, которая была предложена классиками марксизма и на которую опирался К.В. Базилевич в своей критике М.Н. Покровского и его концепции происхождения и развития русского самодержавия в целом и «патриархального абсолютизма» как ее составной части.

В свете современных представлений о характере верховной власти в эпоху раннего Нового времени и ее возможностей по управлению и контролю над обществом концепт «патриархального абсолютизма» вовсе не выглядит таким уж отвлеченным и схематичным, абстрактным, понятием, неким «идеальным» типом. Напротив, он неплохо укладывается в систему черт, присущих политической сфере архаичных аграрных обществ Первой волны с их традиционализмом, густо замешанном на религиозности и иррациональности, патриархальностью и патернализмом. А ведь европейское общество раннего Нового времени (а русское и подавно) в основе своей оставалось все тем же традиционным обществом Первой волны. Поэтому можно с уверенностью сказать, что «патриархальный абсолютизм» как идея обладает немалым эвристическим потенциалом в области историко-правовых исследований политической практики и идеологии домодерных обществ и заслуживает того, чтобы вернуться к нему снова, но на современном научном и методологическом уровне.

Список литературы

- Базилевич К.В. 1939. «Торговый капитализм» и генезис московского самодержавия в работах М.Н. Покровского. В кн.: Против исторической концепции М.Н. Покровского. Ч. 1-я. М.-Л.: Изд-во АН СССР: 140-178.
- Вебер М. 2016. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. Т. I. Социология. М.: Издательский дом Высшей школы экономики: 445 с.
- Градовский А.Д. 1907. Собрание сочинений. Т. VII. Начала русского государственного права. Ч. 1. О государственном устройстве. СПб.: Тип.-я М.М. Стасюлевича: 486 с.
- Груздинская В.С. 2020. «Реабилитация» М.Н. Покровского в сообществе историков: конец 50-х – 60-е годы XX века. Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 162. Кн. 3: 220-231.
- Домников С.Д. 2002. Мать земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М.: Алетейя: 672 с.
- Казанский П.Е. 1913. Власть российского императора. Очерки действующего русского права. Одесса: Тип.-я «Техник»: 960 с.
- Карамзин Н.М. 1991. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы: 127 с.
- Ключевский В.О. 1994. Боярская дума Древней Руси. В кн.: Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси . Добрые люди Древней Руси. М.: Ладомир: 3-547.
- Ключевский В.О. 1989. История сословий в России. В кн.: Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. VI. Специальные курсы. М.: Мысль: 225-391.
- Ключевский В.О. 1989. Терминология русской истории. В кн.: Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. VI. Специальные курсы. М.: Мысль: 94-224.
- Коркунов Н.М. 1906. Русское государственное право. Т. I. Введение и общая часть. СПб.: Тип.-я М.М. Стасюлевича: 623 с.
- Леви Стросс К. 2008. Неприрученная мысль. В кн.: Леви-Стросс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Академический проект: 143-501.
- Милюков П.Н. 1993. Величие и падение Покровского (эпизод из истории науки в СССР). Вопросы истории. 4: 114-126.
- Павленко Н.И. 1999. Академическое дело. Историки под прицелом ОГПУ. Наука и жизнь. 11: 26-30.
- Панкратова А.М. 1934. Борьба за победу социализма и историческая наука в СССР. Борьба классов. 2: 1-27.
- Петров К.В. 2008. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С.Н. Кистерева «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.»). Очерки феодальной России. Вып. 12. М.-СПб.: Альянс-Архео: 365-382.
- Покровский М.Н. 1933. О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России. В кн.: Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов (Историографические очерки, критические статьи и заметки). М.-Л. Государственное социально-экономическое изд.-во, Вып. 1: 285–303.
- Покровский М.Н. 1918. Очерк истории русской культуры. Ч. II. М.: Изд-во Т-ва «Мир»: 231 с.
- Покровский М.Н. 1922. Правда ли, что в России абсолютизм «существовал наперекор общественному развитию»? (По поводу вступительной главы последней книги тов. Троцкого: «1905».). Красная новь. 3(7): 144-151.
- Покровский М.Н. 1966. Русская история с древнейших времен. Т. I. В кн.: Покровский М.Н. Избранные произведения в четырех томах. Т. I. М.: Мысль: 75-328.
- Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. 1940. Сборник статей. Ч. 2-я. М.-Л.: Изд-во АН СССР: 506 с.
- Против исторической концепции М.Н. Покровского. 1939. Сборник статей. Ч. 1-я. М.-Л.: Изд-во АН СССР: 518 с.
- Рожков Н.А. 1906. Происхождение самодержавия в России. М.: Тип.-я А.И. Мамонтова: 218 с.
- Романович-Славатинский А.В. 1886. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч. 1. Основные государственные законы. Киев: Тип.-я Г.Л. Фронцкевича: 299 с.
- Соловьев С.М. 1988. История России с древнейших времен. Т. 1. В кн.: Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. I. М.: Мысль: 797 с.

- Сперанский М.М. 2002. Руководство к познанию законов. В кн.: Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука: 45-92.
- Тоффлер Э. 2004. Третья волна. М.: ACT: 781 с.
- Eder K. 1949. Die Kirche im Zeitalter des konfessionellen Absolutismus (1555-1648). Wien: Herder Verlag: XVII- 459.
- Kollmann N.S. 2012. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, Cambridge University Press: 504.
- Roscher W. 1847. Umrisse zur Naturlehre der drei Staatsformen. *Allgemeine ZeitSchrift für Geschichte*. 7: 79-88, 322-365, 436-473.
- Schmidt H.R. 1992. Konfessionalisierung im 16. Jahrhundert. München; Oldenbourg, 153.
- Zeeden E. 1958. Grundlagen und Wege der Konfessionsbildung in Deutschland im Zeitalter der Glaubenskämpfe. *Historische Zeitschrift*. 185: 249–299.
- Zeeden E.W. 1956. Zeitalter der europäischen Glaubenskämpfe, Gegenreformation und katholische Reform. *Saeculum. Jahrbuch für Universalgeschichte*. VII. Heft 3: 321-368.

References

- Bazilevich K.V. 1939. «Torgovyj kapitalizm» i genezis moskovskogo samoderzhaviya v rabotakh M.N. Pokrovskogo ["Merchant Capitalism" and the Genesis of Moscow Autocracy in the Works of M.N. Pokrovsky]. V kn.: Protiv istoricheskoy koncepcii M.N. Pokrovskogo [Against the Historical Concept of M.N. Pokrovsky]. Ch. 1-ya. M.-L.: Izd-vo AN SSSR Publ.: 140-178.
- Domnikov S.D. 2002. Mat' zemlya i Czar'-gorod. Rossiya kak tradicionnoe obshchestvo [Mother Earth and Tsar City. Russia as a Traditional Society]. M.: Aleteja Publ.: 672 s.
- Eder K. 1949. Die Kirche im Zeitalter des konfessionellen Absolutismus (1555-1648). Wien: Herder Verlag: XVII- 459.
- Gradovskij A.D. 1907. Sobranie sochinenij. T. VII. Nachala russkogo gosudarstvennogo prava. Ch. 1. O gosudarstvennom ustroystve [Collected Works. Vol. VII. Principles of Russian State Law. Part 1. On the State Structure]. SPb.: Tip.-ya M.M. Stasyulevicha Publ.: 486 s.
- Gruzdinskaya V.S. 2020. «Reabilitaciya» M.N. Pokrovskogo v soobshhestve istorikov: konec 50-x – 60-e gody` XX veka ["Rehabilitation" of M.N. Pokrovsky in the Community of Historians: the Late 1950s – 1960s]. *Ucheny'e zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarny'e nauki*. T. 162. Kn. 3: 220-231.
- Kazanskij P.E. 1913. Vlast` rossijskogo imperatora. Ocherki dejstvuyushhego russkogo prava [The Power of the Russian Emperor. Essays on Current Russian Law]. Odessa: Tip.-ya «Texnik» Publ.: 960 s.
- Karamzin N.M. 1991. Zapiska o drevnej i novoj Rossii v ee politicheskem i grazhdanskem otnosheniyax [Note on Ancient and Modern Russia in Its Political and Civil Relations]. M.: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury` Publ.: 127 s.
- Klyuchevskij V.O. 1994. Boyarskaya duma Drevnej Rusi [Boyar Duma of Ancient Rus']. In: Klyuchevskij V.O. Boyarskaya duma Drevnej Rusi . Dobry'e lyudi Drevnej Rusi [Boyar Duma of Ancient Rus']. Good People of Ancient Rus']. M.: Ladamir: 3-547.
- Klyuchevskij V.O. 1989. Iстория сословий в России [History of the Estates in Russia]. In: Klyuchevskij V.O. Sochineniya v devyati tomakh. T. VI. Special'nye kursy` [Works in Nine Volumes. Vol. VI. Special Courses]. M.: My`sl` Publ.: 225-391.
- Klyuchevskij V.O. 1989. Terminologiya russkoj istorii [Terminology of Russian History]. In: Klyuchevskij V.O. Sochineniya v devyati tomakh. T. VI. Special'nye kursy` [Works in Nine Volumes. Vol. VI. Special Courses]. M.: My`sl` Publ.: 94-224.
- Kollmann N.S. 2012. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, Cambridge University Press: 504.
- Korkunov N.M. 1906. Russkoe gosudarstvennoe pravo. T. I. Vvedenie i obshchaya chast` [Russian State Law. Vol. I. Introduction and General Part]. SPb.: Tip.-ya M.M. Stasyulevicha Publ.: 623 s.
- Levi Stross K. 2008. Nepriruchennaya my`sl` [Untamed Thought]. In: Levi-Stross K. Totemizm segodnya. Nepriruchennaya my`sl` [Totemism Today. Untamed Thought]. M.: Akademicheskij proekt Publ.: 143-501.
- Milyukov P.N. 1993. Velicheie i palenie Pokrovskogo (e`pizod iz istorii nauki v SSSR) [The Greatness and Fall of Pokrovsky (An Episode from the History of Science in the USSR)]. *Voprosy` istorii*. 4: 114-126.

- Pavlenko N.I. 1999. Akademicheskoe delo. Istoriki pod pricelom OGPU [Academic Affairs. Historians under the Gunpoint of the OGPU]. *Nauka i zhizn`*. 11: 26-30.
- Pankratova A.M. 1934. Bor`ba za pobedu socializma i istoricheskaya nauka v SSSR [The Struggle for the Victory of Socialism and Historical Science in the USSR]. *Bor`ba klassov*. 2: 1-27.
- Petrov K.V. 2008. Imel li Sudebnik 1497 g. znachenie zakona v ego sovremennom ponimanii? (Po povodu stat'i S.N. Kistereva «Velikoknyazheskij Sudebnik 1497 g. i sudebnaya praktika pervoj poloviny XVI v.») [Did the Sudebnik of 1497 have the significance of law in its modern sense? (Regarding the article by S.N. Kisterev "The Grand Ducal Sudebnik of 1497 and judicial practice of the first half of the 16th century")]. *Ocherki feodal'noj Rossii*. Vy`p. 12. M.-SPb.: Al`yans-Arxeo Publ.: 365-382.
- Pokrovskij M.N. 1933. O russkom feodalizme, proisxozhdenii i xaraktere absolyutizma v Rossii [On Russian feudalism, the origin and character of absolutism in Russia]. In: Pokrovskij M.N. Istoricheskaya nauka i bor`ba klassov (Istoriograficheskie ocherki, kriticheskie stat'i i zametki) [Historical science and the class struggle (historiographical essays, critical articles and notes)]. M.-L. Gosudarstvennoe social'no-e`konomicheskoe izd.-vo Publ. Vy`p. 1: 285–303.
- Pokrovskij M.N. 1918. Ocherk istorii russkoj kul'tury` [Essay on the history of Russian culture]. Ch. II. M.: T-va «Mir» Publ.: 231 s.
- Pokrovskij M.N. 1922. Pravda li, chto v Rossii absolyutizm «sushhestoval naperekor obshhestvennomu razvitiyu»? (Po povodu vstupitel'noj glavy` poslednej knigi tov. Trockogo: «1905») [Is it true that in Russia absolutism "existed in defiance of social development"? (Regarding the introductory chapter of Comrade Trotsky's last book: "1905")]. *Krasnaya nov`*. 3(7): 144-151.
- Pokrovskij M.N. 1966. Russkaya istoriya s drevnejshix vremen [Russian history from ancient times]. T. I. In: Pokrovskij M.N. Izbrannye proizvedeniya v chety`rex tomakh [Selected works in four volumes]. T. I. M.: My`sl` Publ.: 75-328.
- Rozhkov N.A. 1906. Proisxozhdenie samoderzhaviya v Rossii [The Origin of Autocracy in Russia]. M.: Tip.-ya A.I. Mamontova Publ.: 218 s.
- Romanovich-Slavatinskij A.V. 1886. Sistema russkogo gosudarstvennogo prava v ego istoriko-dogmatiskom razvitiu sravnitel'no s gosudarstvennym pravom Zapadnoj Evropy`. Ch. 1. Osnovny'e gosudarstvenny'e zakony` [The System of Russian State Law in Its Historical and Dogmatic Development Compared with the State Law of Western Europe. Part 1. Fundamental State Laws]. Kiev: Tip.-ya G.L. Fronczkevicha Publ.: 299 s.
- Protiv antimarksistskoj koncepции M.N. Pokrovskogo [Against the anti-Marxist concept of M.N. Pokrovsky]. 1940. Sbornik statej. Ch. 2-ya. M.-L.: Izd-vo AN SSSR Publ.: 506 s.
- Protiv istoricheskoy koncepции M.N. Pokrovskogo [Against the historical concept of M.N. Pokrovsky]. 1939. Sbornik statej. Ch. 1-ya. M.-L.: Izd-vo AN SSSR Publ.: 518 s.
- Roscher W. 1847. Umriss zur Naturlehre der drei Staatsformen. *Allgemeine ZeitSchrift für Geschichte*. 7: 79-88, 322-365, 436-473.
- Schmidt H.R. 1992. Konfessionalisierung im 16. Jahrhundert. München; Oldenbourg, 153.
- Solov`ev S.M. 1988. Iстория России с древнейших времен [History of Russia from Ancient Times]. T. 1. In: Solov`ev S.M. Sochineniya v vosemnadtsati knigax [Works in Eighteen Books]. Kn. I. M.: My`sl` Publ.: 797 s.
- Speranskij M.M. 2002. Rukovodstvo k poznaniyu zakonov [A Guide to Understanding Laws]. In: Speranskij M.M. Rukovodstvo k poznaniyu zakonov [A Guide to Understanding Laws]. SPb.: Nauka Publ.: 45-92.
- Toffler E. 2004. Tret`ya volna [The Third Wave]. M.: AST Publ.: 781 s.
- Veber M. 2016. Xozyajstvo i obshhestvo: ocherki ponimayushhej sociologii. V 4 t. T. I. Sociologiya [Economy and Society: Essays on Understanding Sociology. In 4 volumes. Vol. I. Sociology]. M.: Izdatel`skij dom Vy`sshej shkoly` e`konomiki Publ.: 445 s.
- Zeeden E. 1958. Grundlagen und Wege der Konfessionsbildung in Deutschland im Zeidter der Glaubenskampfe. *Historische Zeitschrift*. 185: 249–299.
- Zeeden E.W. 1956. Zeitalter der europäischen Glaubenskämpfe, Gegenreformation und katholische Reform. *Saeculum. Jahrbuch für Universalgeschichte*. VII. Heft 3: 321-368.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 05.10.2025

Поступила после рецензирования 02.11.2025

Принята к публикации 08.12.2025

Received October 5, 2025

Revised November 2, 2025

Accepted December 8, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пенская Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

 [ORCID 0000-0002-4092-8992](#)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana M. Penskaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Vitaly V. Penskoy, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

 [ORCID 0000-0002-4092-8992](#)